
Н. В. ПОНЬРКО

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
С.-Петербург, Россия

Протопоп Аввакум: между литературой и жизнью

РЕЗЮМЕ

Творчество протопопа Аввакума рассматривается в статье с точки зрения отражения в нем личности автора, его опыта мирского священника. Богословская максима о сохранении в веках через хиротонию священнослужителей их духовного преемства от апостолов была четко актуализирована в сознании Аввакума. Ею он руководствовался в своей учительной и проповеднической деятельности. Навыки устной проповеди отразились в его сочинениях, созданных позже в тюрьме, когда он был вынужден заняться писательством «по нужде». Священнослужитель, в прошлом постоянно погруженный в храмовое действо, Аввакум внедряет в свои произведения звучащий во время церковной службы текст, являющийся частью литургического чина. Если говорить об Аввакуме как о поэте, то прежде всего — как о литургическом гимнографе.

Ключевые слова: протопоп Аввакум, старообрядчество, устная проповедь, литургическая гимнография.

Natalia V. Ponyrko (Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia). Archpriest Avvakum: Between Literature and Life

ABSTRACT

In the article, the writings of Archpriest Avvakum are considered as a reflection of his personality and the experience of a parish priest. Avvakum firmly assimilated the theological maxim of the spiritual succession of priests from the apostles through consecration. He relied on this maxim in his teaching and preaching activities. His oral preaching skills are evident in his texts written in prison when he had to start writing “out of necessity”. As a priest who previously held church services, Avvakum filled his writings with texts related to liturgical rites. Avvakum as a poet should be considered a liturgical hymnographer.

Keywords: Archpriest Avvakum, Old Believers, oral preaching, liturgical hymnography.

«Свѣтъ моя, еще ли ты дышишь? Друг мой сердечной, еще ли дышешь, или сожгли, или удавили тебя? Не вѣмъ и не слышу. Не вѣдаю — жива, не вѣдаю — скончали...».¹ Эти всем нам известные пронзительные слова из Послания протопопа Аввакума к боярыне Морозовой в боровскую тюрьму, где ее вскоре уморят голодной смертью, — что это? Высокое искусство слова? Или это то, что в наше время Борис Леонидович Пастернак назвал «почвой и судьбой» («И тут кончается искусство, и дышат почва и судьба»)? Ведь мы

---

¹ Послание боярыне Ф. П. Морозовой и княгине Е. П. Урусовой / Подгот. текста, коммент. Н. С. Демковой // БЛДР. СПб., 2013. Т. 17: XVII век. С. 215.

процитировали подлинное послание (из одной тюрьмы в другую тюрьму), где каждую строку «диктует чувство».

Все писания Аввакума, от «Жития» до челобитных царю Алексею Михайловичу, до Посланий к своим духовным детям (в том числе и к боярыне Морозовой), которые так нас трогают своей художественной выразительностью, удивительно соответствуют формуле Пастернака, найденной поэтом в итоге собственной литературной деятельности. В каждом из аввакумовых писаний главенствуют «почва и судьба», рождающие «строчки с кровью» и поднимающие их на высоту великого искусства.

Судьбой Аввакума было стать духовным лицом, священнослужителем: мы знаем, что он был рукоположен во дьяконы, будучи 21 года от роду, и уже через два года поставлен во священники.² Это была решающая точка его Судьбы. Пьер Паскаль, самый глубокий знаток биографии и творчества Аввакума, в своей знаменитой монографии «Avvakum et les débuts du raskol: La crise religieuse au XVII-e siècle en Russie»,³ говоря о самом Аввакуме и о его соратниках, акцентировал необходимость актуализации в сознании исследователей понимания того факта, что эти люди «ни в какой мере не были ни политиками, ни писателями. Они прежде всего были духовными лицами».⁴ Вербализовав эту, казалось бы, очевидную мысль, мы осознаём, что, будучи священником, иереем, Аввакум уже в силу одного этого должен был по определению и в первую очередь владеть ремеслом проповедника, учителя. Так оно и было. Богословская максима о непрерывности апостольского преемства, передаваемого в веках через таинство рукоположения, на которой зиждется институт церковной иерархии, была отчетливо актуализирована в сознании Аввакума, что отнюдь не всегда было свойственно духовенству на Руси, в особенности белому. А вот Аввакум, обсуждая Иисусовы слова, обращенные к апостолу Петру: «Яко ты еси Петръ, и на семь каменнъ созидду церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей <...>. И дамъ ти ключа царства небеснаго: егоже аще свяжеша на земли, будетъ связанъ и на небеси. И егоже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшенъ на небеси [Мф. 16: 13—19]»,⁵ подчеркивает именно эту каноничную мысль о сохраненном в веках духовном преемстве, получаемом иереями и архиереями от апостола Петра, когда говорит по поводу процитированного им новозаветного отрывка следующее: «И намъ дана та же власть, *архиереомъ, иереомъ*, якоже и Петру, право правящимъ слово Господне, — *вмѣстѣ сидимъ с Петромъ* (здесь и далее выделено мной. — Н. П.) на горнѣмъ мѣстѣ, подъ ево, Петровым, крестомъ».⁶ Горним местом называется та часть алтаря православного храма у самой стены восточной апсиды, где находится кресло или другое седалище, на котором сидит священнослужитель во время чтения Апостола за литургией.

² «Рукоположен во дьяконы дватцети лѣтъ з годом и по дву лѣтах в попы поставлен» (Житие протопопа Аввакума. (Последняя авторская редакция) / Подгот. текста, вступ. ст., пер., коммент. Н. В. Поньрко. [В 2 кн.]. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. Кн. 1. С. 41).

³ Pascal P. Avvakum et les débuts du raskol: La crise religieuse au XVII-e siècle en Russie. 1-e éd. Paris, 1938; 2 éd. Paris, 1963; Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало раскола / Пер. с фр. С. С. Толстого; науч. ред. перевода Е. М. Юхименко. М., 2011.

⁴ Там же. С. 473.

⁵ Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Кн. 1, вып. 1 (РИБ. Т. 39). Стб. 271 (Беседа об образе креста Христова) (Далее — РИБ).

⁶ Там же.

Оно является обозначением таинственного присутствия Бога и сослужащих ему апостолов («вместе сидим с Петром на горнем месте»⁷).

О проповедях Аввакума, звучавших в местах его первоначального священнослужения (сначала в Лопатищах, а потом в Юрьевце Поволжском), сохранилось одно прямое свидетельство, зафиксированное его Житием. Ярко описывая свое первое изгнание из Лопатищ, в которое он отправился всем своим домом, с женой и новорожденным первенцем, с братьями и домочадцами, Аввакум пишет: «А провождающие жители того мѣста, мужи, и жены, и отрочата, множество народа, с рыданиемъ, плачуще и сокрушающе мое сердце, далече нас провожали в поле. Аз же, на обычном мѣсте став и хвалу Богу воздав, *поучение прочеть* и благословя, на силу в дома ихъ возвратил; а з домашними вперед побрели...»⁸ Какое именно поучение приновил Аввакум к происходящему событию, остается неизвестным; судя по употреблению им слова «прочеть», это было одно из Поучений церковных авторов, предписываемых уставом для чтения за богослужением. (Хотелось бы понять, что стоит за словами «*на обычном мѣсте став*», при том, что речь идет о поле).

Об учительной деятельности в народе молодого священника Аввакума, происходившей вне храма, можно судить по материалам Жития, касающимся конфликтных ситуаций между ним и паствой, таких, например, как столкновение со скоморохами, прибывшими развлекать жителей селения: когда Аввакум прогнал их из Лопатищ, разломав «хари и бубны един у многих», «и медвѣдей двух великих отнял»;⁹ не менее бурной была его «битва» со множеством настроенных против него «попов и баб, которыхъ *унимать от блудни*» в Юрьевце Поволжском (за что его «среди улицы били батожьемъ и топтали»¹⁰). Оказавшись в Москве, под покровительством своего духовного отца, настоятеля Казанского собора протопопа Ивана Неронова, Аввакум продолжил свою проповедническую деятельность среди народа, чему способствовали его близкие отношения с Иваном Нероновичем, выходцем, как и он, из нижегородских земель.

Принято связывать возрождение публичной проповеди в России XVII в. с деятельностью того самого «кружка ревнителей благочестия», который сложился вокруг персоны молодого царя Алексея Михайловича Романова, его духовника Стефана Вонифатьева и протопопа Казанского собора в Москве Ивана Неронова.¹¹ Начало этого возрождения следует, быть может, связывать в первую очередь как раз с именем Ивана Неронова, который в последовавшие за Смутой времена, уже при царе Михаиле Федоровиче, будучи молодым священником, покровительствуемым в начале своего духовного пути тоже «молодым» (в значении недавнего возведения на первосвятительский престол) патриархом Филаретом Никитичем Романовым, занялся в ни-

⁷ Освящение храма всегда начинается со стороны горнего места, на стене которого миром начертывается крест («под ево, Петровым, крестом»).

⁸ Житие протопопа Аввакума. (Последняя авторская редакция). С. 43.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 45.

¹¹ См.: Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало раскола. С. 210—211; Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. München: Fink, 1970. С. 74—82, 102—112 (репринтное воспроизведение: М., 1995).

жегородских пределах, а затем и в самом Нижнем Новгороде христианским просвещением народа,¹² чему в немалой степени способствовала атмосфера общенационального подъема, охватившего все слои русского общества в связи с преодоленной Смутой.¹³

Ревностному проповеднику Ивану Неронову (стремившемуся просвещать московский народ всеми возможными способами, вплоть до вывешивания неких «поучительных словес» вокруг стен Казанского собора)¹⁴ не могла не импонировать активная позиция его молодого духовного сына в отношениях с московской паствой. Позже, в своем Житии, Аввакум вспоминал о том, с какою радостью он предавался проповедничеству в те времена, когда протопоп Иоанн, уезжая по каким-либо надобностям из Москвы, оставлял на него церковь («егда куды отлучится, ино я ведаю церковь»): «Народу много приходило х Казаньской, так мнѣ любо — *поучение чол безпрестанно*. <...> А я самъ, *идѣже людие снемлются, там слово Божие проповѣдал*, да при духовникове благословении и Неронова Иванна *тѣшилъ над книгами свою грѣшную душу о Христѣ Исусѣ*».¹⁵ Здесь Аввакумом упомянуты оба вида проповедничества, которыми он с увлечением занимался в это время: с одной стороны, это было чтение с амвона, в рамках богослужения, уставных поучений св. отцов, с другой — свободная проповедь народу «слова Божия» за пределами храма, в любом месте, «идѣже людие снемлются».

Сосланный в Сибирь в самом начале развернувшегося сопротивления никоновской реформе, Аввакум продолжил и здесь свою учительную деятельность. Где бы он ни оказывался в это время (будь то Тобольск, или Енисейск, или редкие русские крепости-острожки в сибирской тайге от Байкала до Даурии), везде проповедь «слова Божия» составляла главное содержание его деятельности, как сам он свидетельствует: «Три годы из Даурь ехал <...>. И взадъ и вперед едучи, по градом и по селамъ и в пустых мѣстехъ *слово Божие проповѣдал и, не обинуюся, обличалъ никониянскую ересь, свидѣтельствуя истинну и правую вѣру о Христѣ Исусѣ*».¹⁶ Осознание своей протестной деятельности как проповедания «слова Божия» Аввакум сфор-

¹² Много материала об учительной деятельности Ивана Неронова в нижегородский период его жизни содержится в его Житии, написанном неизвестным автором, которое было опубликовано Н. И. Субботиным по рукописи нач. XVIII в. из Библиотеки московской синодальной типографии (с указанием неверного номера в шифре). См.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. М., 1874. Т. I. С. 243—305. В настоящее время точный шифр рукописи известен: РГАДА, ф. 381 (Библиотека московской синодальной типографии), нач. XVIII в., № 420.

¹³ См.: *Понырко Н. В.* Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII века — ревнители благочестия // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 58—69.

¹⁴ См.: РГАДА, ф. 381 (Библиотека московской синодальной типографии), нач. XVIII в., № 420, л. 166 (Житие Ивана Неронова).

¹⁵ Житие протопопа Аввакума. (Последняя авторская редакция). С. 46. Помимо слов самого Аввакума о его проповеднической деятельности в Москве в это время есть свидетельства и третьих лиц на эту тему. В письме «рядового» священника Казанского собора Ивана Данилова от 29 сентября 1653 г. к отправленному незадолго до этого в ссылку Ивану Неронову с описанием нестроений, происходивших в эти дни в соборе, читаем: «...нам говорил и архидиякон: „или-де вы не умеете честь *поучения*, что-де даете *поучения* честь *Аввакуму*? — сами-де поучайте!“ О том мы ведаем, что в субботу того дни Аввакум *чел поучение на паперти*, а подьяконы тут стояли, а он, Аввакум, лишние слова говорил, что и не подобает говорить» (Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 1. С. 29).

¹⁶ Житие протопопа Аввакума. (Последняя авторская редакция). С. 65.

мулировал в знаменитом описании своего разговора с женой перед возвращением их из сибирской ссылки в Москву: «Опечался, сидя, разсуждаю: „Что сотворю? *Проповѣдаю ли слово Божие* или скроюся гдѣ?“ — понеже жена и дѣти связали меня. И видѣ меня печална, протопопица моя приступи ко мнѣ со опрятьством и рече ми: „Что, господине, опечалился еси?“. Аз же ей подробну извѣстих: „Жена, что сотворю? Зима еретическая на дворѣ: *говорить ли мнѣ или молчать?* Связали вы меня!“ Она же мнѣ говоритъ: „Господи помилуй! Что ты, Петровичъ, говоришь? Слыхала я, — ты же читаль, — апостольскую рѣчь: «Привязался еси женѣ — не ищи разрѣшения; егда отрѣшишися, тогда не ищи жены». Аз тя и з дѣтми благославляю: дерзай *проповѣдати слово Божие* по-прежнему, а о нас не тужи! <...> Поди, поди в церковь, Петровичъ, *обличай блудню еретическую!*“ Я, су, ей за то челом и, отряспе от себя печальную слѣпоту, начахъ по-прежнему *слово Божие проповѣдати и учити* по градом и вездѣ, еще же *и ересь никониянскую со дерзновениемъ обличаль*. <...> И до Москвы едучи, по всѣмъ городамъ и по селамъ, во церквах и на торьгахъ *кричалъ, проповѣдая слово Божие и уча*, и обличая безбожную лесть». ¹⁷ «Говорить» и «кричать» по церквам и площадям призывало его сознание долга церковного учителя.

Возвратившись спустя почти десять лет в Москву, он окунается здесь в «крики» и «разговоры» по поводу церковной реформы с ее влиятельными сторонниками. Известно о диспутах с его участием в доме вельможного Федора Михайловича Ртищева, бывшего активного члена кружка ревнителей благочестия: «...къ Федору Ртищеву *бранитца* со отступниками ходилъ»; ¹⁸ «...пришелъ я от Феодора Ртищева зѣло печалень, понеже в дому у него съ еретиками *шумгль много* о вѣре и о законѣ». ¹⁹ Эти прения закончились для Аввакума новой ссылкой, после которой менее чем через полтора года его вернули снова в Москву, на заседание собора 1666—1667 гг., где он уже как арестант и обвиняемый выдержал несколько публичных допросов, по сути дела диспутов с оппонентами, требовавшими от него отказаться от своих взглядов и принести покаяние перед иерархами и царем. ²⁰

¹⁷ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / Подгот. текста, коммент. Н. С. Демковой // БЛДР. СПб., 1913. Т. 17: XVII век. С. 87 (текст Второй редакции Жития).

¹⁸ Там же. С. 90.

¹⁹ Там же. С. 103.

²⁰ Примером такого «диспута»-допроса, а в то же время и спонтанной проповеди может стать его прение с участниками собора на заседании, состоявшемся 17 июня 1667 г.: «Таже передъ вселенскихъ привели меня патриарховъ, и наши всѣ тут же сидятъ, что лисы. Много от Писания говорил с патриархами, Богъ отверзъ уста мое грѣшныя, и посрамил ихъ Христосъ устами моими. Послѣднее слово со мною говорили: „что-де ты упряма, Аввакумъ? Вся-де наша Палестина, и серби, и альбанасы, и волохи, и римляня, и ляхи, всѣ-де трема перьсты крестятся, одинъ-де ты стоишь во своем упорьствѣ и крестисся пятию перьсты! Так-де не подобаетъ“.

И я имъ отвѣщаль о Христѣ сиче: „Вселенстии учителяе! Римъ давно упаль и лежит невосклонно, а ляхи с ним же погигли, до конца враги быша християном. А и у вас православие пестро стало от насилиа турскаго Магмета, да и дивить на вас нельзя, немощни есте стали. И впредь приезжайте к нам учитца: у нас, Божиею Благодатию, самодержество. До Никона-отступника у наших князей и царей все было православие чисто и непорочно, и Церковь была нематежна. Никонъ-волкъ со дьяволом предали трема перьсты креститца. А первые наши пастыри, якоже сами пятию перьсты крестились, такоже пятию перьсты и благословляли <...>”.

Итогом последнего разбирательства властей с Аввакумом на соборе стало публичное расстрижение его из сана и тюремное заключение в Пустозерском остроге вместе с тремя единомышленниками: попом Лазарем, дьяконом Феодором и иноком Епифанием.²¹

Когда его навсегда закопали в земляной тюрьме, когда его бесчисленная паства (а также и именитые оппоненты) оказались слишком далеко от него, — одни в Москве, другие на Соловках, третьи в Сибири, иные в царском «верху» и архиерейских покоях, иные в таких же тюрьмах, как и он, — тогда только и пришлось Аввакуму вплотную взяться за перо, обратиться «по нужде» (выражение А. М. Панченко)²² к писательству.

В допустозерский период содержанием устной проповеди Аввакума было, как сам он формулировал, несение «слова Божия» в народ и обличение «никонианства». Тем же содержанием наполнены и письменные его проповеди. В Пустозерске у него не было возможности, как некогда в Казанском соборе, взойти на амвон и прочесть подобающее времени Слово одного из учителей Церкви, приуроченное к тому или иному празднику или событию. Как и не было возможности выйти на «стогна града» и там «кричать» свою правду о преданности вере отцов. Но он смог осуществить все это с помощью пера и бумаги. Все письменные Поучения-проповеди Аввакума (а к ним следует отнести в первую очередь комплекс отдельных Поучений в форме посланий, который составляет содержание таких сочинений протопопа Аввакума, как «Книга Бесед» и «Книга толкований и нравоучений»²³)

И патриарсы, выслушав, задумались. А наши, что волчонки, вскопча, завыли и блевать стали на отцовъ своих, говоря: „Глупы-де были и не смыслили наши святые, неучонные люди были и грамотъ не умѣли, — чему-де им вѣрить!“ <...> Мнѣ, бедному, горько, а дѣлать нѣчева стало; побранил ихъ, колко могъ, и послѣднее рек слово: „Чистъ есмь аз и прах прилѣпшии от ногъ своих оттрясаю предъ вами, по писанному: Лутче един, творяи волю Божию, нежели тмы беззаконныхъ!“ Так на меня и пуще закричали: „Возьми, возьми его! Всѣхъ нас обезчестил!“, да толкать и бить меня стали. И патриархи сами на меня бросились грудною, человекъ их сорокъ, чаю, было, всѣ кричать, что татаровя. Ухватил дьякъ Иванъ Уаровъ да и потащил меня. И я закричалъ: „Постой, не бейте!“ Так онѣ всѣ отскочили.

И я толмачю архимариту Денису стал говорить: „Говори, Денис, патриархам: апостолъ Павелъ пишетъ: таково нам подобаше архиерей: рѣподобень, незлобивъ, и прочая. А вы, убивше человекъ неповинна, какъ литоргисать станете?“ Такъ онѣ сели. И я, отшед ко дверям, да на бокъ повалился, а самъ говорю: „Посидите вы, а я полежу“. Такъ онѣ смеются: „Дуракъ-де протопопъ-от, и патриарховъ не почитаетъ“. И я говорю: „Мы уроди Христа ради! Вы славы, мы же безчестны! Вы сильны, мы же немощны!“» (Житие протопопа Аввакума. (Последняя авторская редакция). С. 73—75).

²¹ Союзниками Аввакума по пустозерской тюрьме также были Симбирский протопоп Никифор (умер в 1668 г.), позже — юродивый Киприан (казнен в 1675 г.).

²² См.: *Панченко А. М.* О смене писательского типа в Петровскую эпоху // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9: Проблемы литературного развития России первой трети XVIII века. С. 114—116.

²³ Общие названия для обеих «Книг», также как и нумерация входящих в них отдельных Поучений, даны их первыми исследователями и издателями Я. Л. Барсковым и П. С. Смирновым (см.: РИБ. С. I—XLI). В Новейшее время «Книга Бесед» полностью не переиздавалась. См.: *Сесекина И. В.* «Книга бесед» Аввакума — памятник полемической литературы второй половины XVII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1991. С. 1—16. Ср.: Сочинения протопопа Аввакума. Из «Книги бесед» / Подгот. текста, коммент. И. В. Сесекиной, И. А. Лобаковой // БЛДР. СПб., 2013. Т. 17: XVII век. С. 130—146, 546—550. «Книга толкований» в 1990 г. была издана по старейшему ее списку, см.: *Демкова Н. С., Сесекина И. В.* Старейший (печорский) список «Книги толкований и нравоучений» Аввакума, найденный В. И. Малышевым // Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и

несут на себе следы влияния приемов устной проповеди, обусловивших употребление и на письме разговорного стиля «простеца», обращающегося к таким же, как он, «простецам», говорящим с ними на одном языке. Он не столько пишет к своей аудитории, сколько говорит с нею: «*Слушайте-ко, я поговорю с вами...*»; «*Послушайте, чада, да скажу вамъ, что есть тайна христинская...*».²⁴ И потому Поучения свои он называет «Беседами» («*Бесѣда чловѣка грѣшна, чловѣка безобразна и безславна...*» — начальные слова из общего вступления к «Книге Бесед»);²⁵ «*Бесѣда о нятыхъ дѣлателѣхъ*» — заглавие «Беседы» десятой;²⁶ «*Паки и паки, и еще къ вашей любви побесѣдую: вамъ во Христѣ послушати сладостно, а мнѣ глаголати нелѣпно*» — вступительные слова к «Беседе» четвертой).²⁷ Адресатов своих писаний он видит в первую очередь как слушателей, и гораздо реже называет их «чтущими и слушающими», при этом исключительно в таком двойном поименовании. А вот «слышателями» он называет их на каждом шагу, как уже было показано выше, что можно подтвердить и другими примерами: «*Вижь, слышателю: вся сия знаменія быша к плотскому избавленію...*»; «*Ну, слышателю, разсуди...*»; «*Вижь, слышателю...*»; «*...всех васъ, слышащихъ, утверждаемъ...*»; «*Простите, утрудил васъ, слышавшихъ...*»; «*Внимайте и разумѣйте, вси слушающии...*»²⁸ и т. д.

Влияние приемов устной проповеди сказывается и в обильном насыщении Поучений Аввакума своего рода диалогичностью, которая выражается в частых обращениях автора к своей аудитории.²⁹ Он ведь *беседует* с ними, а *беседа* всегда предполагает наличие двух сторон, пусть одна из них по преимуществу молчит, а другая говорит, при этом участие «молчащей» стороны в беседе обнаруживается в частых обращениях к ней говорящего, как бы фиксирующего этими обращениями реакцию слушателей на сказанное. Возьмем для примера всего одну «Беседу» Аввакума, седьмую, «о старолюбцах и новолюбцах». Начав ее прямым вопросом к невидимым собеседникам — «*Помните ли вы, какъ Мелхиседекъ жилъ въ чащинѣ лѣса того, въ горѣ сей*

исследования. Л.: Наука, 1990. С. 73—146. Ср.: Сочинения протопопа Аввакума. Из «Книги толкований и нравоучений» / Подгот. текста, коммент. Н. С. Демковой. С. 147—160, 551—555.

Содержание «Книги Бесед»: 1. Беседа первая. «О страдавших в России за древлецерковная благочестная предания»; 2. Беседа вторая. «Об образе креста Христова»; 3. Беседа третья. «Об иноческом чине»; 4. Беседа четвертая. «Об иконном писании»; 5. Беседа пятая. «О внешней мудрости»; 6. Беседа шестая. «О днях поста и мясоestia»; 7. Беседа седьмая. «О старолюбцах и новолюбцах»; 8. Беседа восьмая. «Об Аврааме»; 9. Беседа девятая. Толкование на 87—88 зачала послания к Римлянам и 23 зачала Евангелия от Иоанна; 10. Беседа десятая. «О нятых делателях».

Содержание «Книги толкований и нравоучений»: 1. Толкования на текст 102 псалма, 2. Толкования на тексты книг Притч и Премудрости Соломоновой, 3. Толкования на книгу пророка Исаии, 4. Поучение о том, «как жити в вере Христове», 5. Толкование на зачало 80 Евангелия от Матфея, 6. Два послания «чаду Симеону» с приветствием «всем чтущим и слушающим» (см.: РИБ. Стб. 250—576).

²⁴ РИБ. Стб. 459, 531.

²⁵ Там же. Стб. 241.

²⁶ Там же. Стб. 375.

²⁷ Там же. Стб. 281.

²⁸ Там же. Стб. 262—263, 285, 338, 246.

²⁹ О проявлении диалогичности в Житии Аввакума см.: Будылина М. М. Диалог как основной структурообразующий принцип в Житии протопопа Аввакума // Сибирский филологический журнал. 2008. № 2. С. 16—21.

Фаворстѣй...»,³⁰ — Аввакум далее периодически обращается к ним: «И тако, возлюбленнии, всячески блюдемся отъ нововводныхъ замысловъ въ церквѣ чрезъ преданія отеческая...»;³¹ — «Не почудися сему, возлюбленне, аще и пастыри будутъ волцы...»;³² — «...тако и вы ихъ (новолюбцев. — Н. П.) познавайте и себя всякъ отъ прелести ихъ оберегайте, а разуму ихъ ни въ чемъ не склоняйся. Побереги однородную свою душу...»;³³ — «Видите вы въ нихъ совѣсть сердець ихъ. Аще ли же они потемнѣте сами собою <...> то како могутъ иныхъ просвѣтити...»;³⁴ — «Зрите, возлюбленнии, внимателнѣ: о, прелести ухищреннаго ихъ отступления! <...> Рассмотрите ихъ опаснѣ и по плоду дѣлъ ихъ познайте, какой есть въ нихъ плодъ...»;³⁵ — «Зрите, возлюбленнии, со вниманиемъ житія ихъ и поступки ихъ»;³⁶ — «Зрите испытнѣ, возлюбленнии, плодъ дель, яко подобныхъ яду злобы своей они...»;³⁷ — «Присмотрися на ихъ, возлюбленне, поступки...»;³⁸ — «Присмотрися посему, рачителю древняго благочестія, аще истинно быти желаеши хранителемъ душевнаго своего спасения...»;³⁹ — «Да и не дивися сему, слышателю, понеже самъ той древняя злобы дѣлатель <...> к нимъ прииде...». ⁴⁰ Для сравнения возьмем учительные Слова выдающегося русского проповедника XII в. Кирилла Туровского. У Кирилла в его Словах обнаруживается минимальное число обращений к аудитории: как правило, одно обращение в начале проповеди и одно — в ее конце. Как, например, в Слове на Вербное воскресение, в начале которого проповедник пишет: «Радость же нам, братъе, днесъ и веселье всему миру пришедшаго ради праздника...»,⁴¹ а в конце: «Тѣмъ же, братъе, подобаетъ нам, яко Божиимъ сущимъ людемъ, възлюбившаго нас Христа прославити...». ⁴² Или же в Слове о расслабленном, где то же обращение к братии употребляется лишь в начале и конце проповеди — «Того ради должны есмы, братие, хвалити и пѣти и прославляти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, исповѣдающе великая его чюдеса...»;⁴³ «Да и мы, братие, Иисуса Христа, Бога нашего, прославим, исцѣлившаго нас отъ недугъ грѣховныхъ». ⁴⁴ В изысканно выстроенных Словах епископа Кирилла Туровского, в ни малейшей степени не ориентированных на полемику, созданных для поучений с амвона, на первое место выступает торжественный монологизм автора. Проникнутые демократическим духом и полемической настроенностью Слова-беседы мирского священника Аввакума, привыкшего

³⁰ Там же. Стб. 303.

³¹ Там же. Стб. 306.

³² Там же. Стб. 307.

³³ Там же. Стб. 310.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Стб. 313.

³⁶ Там же. Стб. 316.

³⁷ Там же. Стб. 319.

³⁸ Там же. Стб. 321.

³⁹ Там же. Стб. 323.

⁴⁰ Там же. Стб. 324.

⁴¹ Слова и поучения Кирилла Туровского. Слово на вербное воскресенье / Подгот. текста, пер., коммент. Н. В. Поньрко // БЛДР. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 184.

⁴² Там же. С. 188.

⁴³ Слова и поучения Кирилла Туровского. Слово о расслабленном / Подгот. текста, пер., коммент. Н. В. Поньрко // БЛДР. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 190.

⁴⁴ Там же. С. 198.

к тесному общению с народом, исполнены диалогичности, обусловленной более интимной дистанцией между ним и его «собеседниками».

Говоря о диалогичности Поучений Аввакума, следует отметить такую их особенность, которая выражается в частых обращениях к противникам, как если бы они тоже присутствовали среди его «слушателей» («Посмотри-тко на рожу-ту, на брюхо-то, никониян окаянный, — толст вѣдь ты! Как в дверь небесную вмѣстится хочешь! Узка бо есть, и тѣсен и прискорбен путь, вводя в животь. Нужно бо есть Царство Небесное и нужницы восхищаютъ е, а не толстобрюхие...»);⁴⁵ «Мудрены вы со дьяволом! Нечего разсуждать. Да нечева у вас и послушать доброму человѣку: все говорите, как продавать, как куповать, как ѣсть, как пить, как баб блудить...»;⁴⁶ «Так-то вы, никонияне, самоволни отметницы: вѣдаете ли вы сами, что вы сотворяете <...>. Вѣдаете ли вы, бѣшаные собаки, — уму-то в вас не стало, — чрез что тайны церковные освящаются?...»;⁴⁷ «Друг мой Иларион, архиепискуп Рязанской! Видиши ли, как Мелхиседек жил? На вороних и в каретах не тѣшился, ѣздя. <...> Воспомяни о себѣ, Яковлевич, попенок! <...> Не достоин бо вѣк твой весь Маркаръевского монастыря единой нощи...»;⁴⁸ «О, царю Алексѣе! Покажу ли ти путь к покаянию и исправлению твоему...»⁴⁹). Эта особенность, разумеется, в первую очередь относится к характеристике риторических приемов, используемых автором Поучений. Но не в последнюю очередь следует учитывать и то, что проповеди Аввакума были своего рода открытыми полемическими текстами, наподобие так называемых «открытых писем», создаваемых не столько для конкретного адресата, сколько для широкого круга читателей и слушателей. В «широкий круг» адресатов проповедей Аввакума входили как «старолюбцы», так и «новолюбцы». В его сознании они все еще были едины — его паства и ее противники: те, кого сжигали, и те, кто сжигал. В этом смысле показателен фрагмент из «Беседы» пятой, где обсуждается тема «внешней мудрости». Противопоставляя «внешнюю мудрость» «альманашников и звездочетцев» мудрости христианских святых, достигших спасения «смирением, кротостью и любовью нелицемерной», Аввакум с обличительной страстью обращается к современным «зодийщикам»: «Вижь, безумной зодийщик, свою богопротивную гордость, каковы плоды приносит Богу и Творцу всѣх Христу: токмо насыщатися, и упиватися, и баб блудить ваше дѣло», — но далее он говорит именно те слова, которые подчеркивают осознание им единства его мысленной аудитории: «Прости, — не судя глаголю, к слову прилучилося. Не ваше то дѣло, но бѣсовское научение. Плакати о вас подобает, а не ругати, *понеже плоть от плоти нашея, и кость от костей наших, тѣла нашего и уды отчисти. Увы, отцы и братия наша! Увы, чада и друзи! Увы, приятели и сродство!* <...> *Како о вас не плакать?*»⁵⁰

Просторечный стиль преобладает и даже, можно сказать, господствует в тех местах проповедей Аввакума, где он полемизирует со сторонниками Никона и говорит о пагубности никоновых реформ. В то же время, как вся-

⁴⁵ РИБ. Стб. 291.

⁴⁶ Там же. Стб. 292.

⁴⁷ Там же. Стб. 328—330.

⁴⁸ Там же. Стб. 303.

⁴⁹ Там же. Стб. 473.

⁵⁰ Там же. Стб. 290—291.

кая классическая проповедь, Поучения Аввакума, включенные в его «Книги», отталкиваются от текстов Священного Писания, поскольку назначение всякого церковного проповедничества заключается в несении евангельской истины в народ, что невозможно без осмысления основного круга библейских текстов ветхозаветной и евангельской традиции, а через них — евангельского учения. Кого бы мы ни взяли из признанных церковных проповедников, от Григория Богослова до Кирилла Туровского, всякое их учительное Слово имеет в своей основе толкование новозаветного текста, порой — через посредство ветхозаветного. Обратимся к уже привлеченным нами для сравнения творениям Кирилла Туровского. Слово на Вербное воскресение святитель Кирилл Туровский начинает с разговора о евангельском событии, празднуемом в этот день: «Днесь Христос от Вифанья в Ерусалим въходить, всѣд на жребя ося, да пророчество Захарьино свершиться, иже речено о нем: „Радуйся зѣло, дщи Сионова: се бо цесарь твой грядеть кроток, всѣд на жребецъ ун!“ [Зах. 9: 9; См.: Мф. 21: 5; Ин. 12: 15]», продолжая далее цитату своим толкованием: «Се убо пророчество разумѣюще, веселимся. Душа бо святыхъ дщери горняго Ерусалима нарицаются, жребя же — иже от языкъ вѣровавшие в Онъ людье, ихже, послав апостолы, и отрѣщи от лъсти дьяволя...».⁵¹ Так же, с евангельского фрагмента, начинает епископ Туровский Слово о расслабленном: «Глаголетъ бо евангелист: възиде Исус в Иеросалим в преполовление жидовьска праздьника, егда же множество народа от всѣхъ град по обычаю събирахуться в Иеросалим. <...> при мнозѣ приде народѣ к Силуамстей вододръжи, иже нарицається Вифезда, сиречь Овча купѣль <...>. Над сим бѣ храм, пять притвор имѣя, и ту лежаше множество болящихъ, хромыхъ же и слѣпыхъ, и инѣми недугы болящеи, чающе движения водѣ: ангелъ бо Господень приходя възмущаше воду, и по возмущении первое вълѣзый цѣлъ бываше [См.: Ин. 5: 1, 2—4; 7: 10, 12, 14; 9: 6, 11]».⁵² Далее Туровский епископ начинает развивать свое толкование: «Си же бѣ образъ святаго крещенія. Понеже не всегда вода та исцѣляше, нѣ егда ю ангелъ възмутяше...».⁵³

У Аввакума особенно наглядно этот принцип просматривается в Поучениях, включенных им в «Книгу толкований», где каждое из Поучений начинается с фрагмента Священного Писания, смысл которого развивается далее его толкованием. Например, **Поучение** на текст 102-го псалма: «Совѣт мужа грѣшна к хотящимъ спастися. Псаломъ Давыда 102. Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя имя святое его [Пс. 102: 1]. Толк. Вижь, душе, Христа, закалаема на божественнѣй трапезѣ, и не бесѣдуй, окаянная, прилежно со други своими...».⁵⁴ **Поучение** на текст библейскихъ книгъ Притч и Премудрости Соломоновыхъ: «Отъ Еклисиаста, еже есть Премудрости Соломони. Премудростьъ созда себѣ храмъ и утверди столпъ седмь [Пр. 9: 1]. Толк. Егда Соломанъ созда Святая Святыя, храмъ седмистолпной чуденъ бе и преславен, серебромъ и златомъ укра-

⁵¹ Слова и поучения Кирилла Туровского. Слово на вербное воскресенье / Подгот. текста, пер., коммент. Н. В. Поньрко // БЛДР. Т. 4. СПб., 1997. С. 184—186.

⁵² Слова и поучения Кирилла Туровского. Слово о расслабленном / Подгот. текста, пер., коммент. Н. В. Поньрко // БЛДР. Т. 4. С. 190—192.

⁵³ Там же.

⁵⁴ РИБ. Стб. 427—429.

шен...».⁵⁵ **Поучение** на текст книги пророка Исаии: «От пророчества Исаи-на глава 35. Тако глаголет Господь Да возвеселится пустыни жаждущия, да возрадуется пустыни и процвѣтет, яко крин, и оцвѣтет и вся возвеселится [Ис. 35: 1—2]. Толк. До пришествия Христова пуста вся земля благодати бысть, понеже от Адама царствова грѣх на согрѣшивших; не бысть хваления и славы Богу во человецех, но оплеташеся весь род человеческий сластми и похотми тѣлесными...».⁵⁶ **Поучение** на текст Евангелия от Матфея: «Евангелие Матфея, зачало 80-е. Рече Господь: Подобно есть Царство Небесное человеку домовиту, иже изыде купно утро няти дѣлатели в виноград свой, и совѣщав со дѣлатели по пѣнезю на день, посла их во виноград свой [Мф. 20: 1—2]. Толк: Человек домовит — Христос, Сын Божий, человек быв человеколюбия ради. Дѣлатели — мы человеки. Виноград — Христовы заповѣди. Пѣнязь — Дух Святой. Из-за утра нанимает на дѣло, сирѣчь от чрева материя хошет нас заповѣдям дѣлателям быти...».⁵⁷

Как видим, в своих письменных Поучениях Аввакум использовал традиционные установки проповеди в жанре «поучения с амвона», непреходящей целью которого было толкование содержания Священного Писания. При этом использование этого жанра у Аввакума сочетается с приемами устной проповеди «на стогнах града» с ее ораторским полемическим задором и просторечными формами. Рассмотрим восьмую «Беседу» из «Книги Бесед», «об Аврааме». Аввакум начинает ее так: «Премудрость. К галатом послание святого апостола Павла. Вонмем. Зачало 210. Братие, Авраам два сына имѣ: одинаго от рабы, а другаго от свободныя. Но иже от рабы, по плоти родися, а иже от свободныя, по обѣтованию [Гал. 4: 22—23]. Сей Авраам, друг Божий, рода еврейска, корени благаго. Прадѣд его Евер не приста совѣту и дѣлу беззаконному в столпотворение, не вѣрова волхвам, и сего ради Богом вышним благословен бысть. Таже роди Фалека, и той добр бысть, даже и до Фары, отца Авраамова. Влекущеся 600 лѣт род их, праведнѣ живый. Но токмо кумиром истуканным жертву приношаху, не разумѣвше Господу Богу небесному истинныя жертвы приносить, но ослѣплени бывше сатаною, от Адама до потопа, и от потопа 500 лѣт до столпотворения. И от столпотворения до Авраама не бысть жертвы к Богу...».⁵⁸ Далее автор излагает историю познания Авраамом Бога, их встречу «на пути» и уход Авраама по Божьему обетованию в землю Ханаанскую, вплоть до встречи его у города Салима с благословившим его Мелхиседеком, царем и священником одновременно (христианская традиция толкует таинственную личность Мелхиседека как один из прообразов Иисуса Христа, что и разъясняет Аввакум своим «слышателям»). Переход разговора к Мелхиседеку дает Аввакуму повод для обращения к насущной современности, — он обрушивает свои страстные обличения на бывших друзей, ныне «никониан»: «Сей Мелхиседек, живый в чащи лѣса того, в горѣ сей Фаворской седмь лѣт, ядый вершия древес, а вмѣсто пития росу лизаше, прямой был священник, не искал ренских, и романей, и водок,

⁵⁵ Там же. Стб. 483—484.

⁵⁶ Там же. Стб. 509.

⁵⁷ Там же. Стб. 551.

⁵⁸ Там же. Стб. 329—330.

и вин процѣженных и пива с кордомоном, и медов малиновых и вишневых, и бѣлых розных крѣпких. Друг мой Иларион, архиепископ Рязанской! Видишь ли, как Мелхиседек жил? На вороньих в каретах не тѣшилсѧ, гѣздя! Да еще был царские породы. А ты кто? Воспомяни-тко, Яковлевич, попенок! В карету сядешь, растопыришь, что пузырь на водѣ, сидя на подушкѣ, расчесав волосы, что дѣвка, да гѣдет, выставя рожу, по площади, чтобы черницы ворухи-униятки любили. Ох, ох, бѣдной! Некому по тебѣ плакать! <...> Столько христиан прижег и пригубил злым царю наговором, еще же и учением своим лстивым и пагубным многих неискусных в ад сведе! <...> Да воздаст ти Господь по дѣлом твоим в день Страшнаго суда. Полно мнѣ говорить. Хошу от вас нынѣ терпеть. Якоже образ нам даде Христос, терпя от жидов, тако и мы нынѣ от вас не стужаем, терпим о Христѣ до смертнаго часа». ⁵⁹

Мы убеждаемся, что в своем письменном Поучении Аввакум соединяет оба типа освоенной им проповеди, — традиционное, выдержанное в книжной стилистике «поучение с амвона» и свободное ораторство, близкое по стилю к устной проповеди «на стогах града». Просторечные приемы и ораторский задор проповеди «на стогах града» врываются часто и в самое толкование Аввакумом Священного Писания, как, например, при толковании притчи о богатом и Лазаре: «Помните, чада, богатаго онаго, о немже Спас рече, како яко лев ревет, за блудни своя жгом негасимым огнем. Из ада ко Аврааму рече: Отче Аврааме, помилуй мя! Посли Лазаря, да омочит конец перста своего в водѣ и ухладит язык мой, яко стражу во пламени сем [Лк. 16: 24]. Видите ли, како смири его мука? Издалеча Авраама и Лазаря видитъ! А прежде, у врат лежаща, пред глаза, не видал! Недосуг было, болше чесать кудрей стало! Так же здѣсь дурил, как и вы нынѣ дурите, забывше смерть. Кто молвит о добрѣ, так и слушать не хотѣл, — заревет да закричит: не указывай, — не тебѣ за меня отвѣчать! Знай ты себя! Не слушаю говори твоя! Как хошу, так живу! А мазаное-то лице защекочет, бутто и всегда добрая жена: Бог судит! — напрасно оглашаешь! Я за тѣм не хожю, — право и не знаю тово! Ох, безчинница! Ворует, да и запирается! <...> Да еще огрызается, что сука, пред добрым челоувѣком...». ⁶⁰

Проповедь — это тот жанр, где у Аввакума особенно наглядно представлено тесное соединение высокого книжного и пониженного просторечного стилей. Просторечный стиль шел от свойственной ему как проповеднику привычной ориентации на устную речь. Высокий же книжный стиль отталкивался от предмета его проповедей, в основу которых так или иначе полагались тексты Священного Писания. Множество этих текстов он знал на память; по поводу Псалтыри и Евангелия сам признавался: «...от Бога дана Псалтырь наизусть глаголати мнѣ»; ⁶¹ «...в полунощи во всеощное чтушу ми наизусть святое Евангелие утреннѣе». ⁶² Так же наизусть знал он основные фрагменты церковной службы — вечерни, утрени, часов и литургии, которые старался «править» ежедневно, невзирая на самые неподходящие

⁵⁹ Там же. Стб. 335—338.

⁶⁰ Там же. Стб. 560—561.

⁶¹ Там же. Стб. 763.

⁶² Там же. Стб. 765.

условия. На эту тему есть выразительный фрагмент во Второй редакции его Жития. Рассказывая о своих скитаниях по сибирской тайге с отрядом воеводы Пашкова, Аввакум пишет: «Да и в прочии времена в волоките моей такъ часто у меня бывало. Идучи, или нарту волоку, или рыбу промышляю, или в лѣсе дрова секу, или ино что творю, *а самъ и правило в те поры говорю, вечерню, и заутреню, или часы,* — што прилучится. А буде в людяхъ бывает неизворотнo, и станемъ на стану, а не по мнѣ товарищи, правила моево не любятъ, а идучи, мне нельзя было исполнить, — и я, отступя людей, под гору или в лѣсь, коротенко зделаю: побьюся головою о землю, а иное и заплачется, да такъ и объдаю. А буде жо по мнѣ люди, и я, на сошке складенки поставя, *правильца поговорю*; иные со мною молятся, а иные кашку варят. *А в санях едучи, в воскресныя дни на подворьяхъ всю церковную службу пою,* а в рядовыя дни, *в санях едучи, пою*; а бывало и в воскресныя дни *едучи, пою*. Егда гораздо неизворотнo, и я, *хотя немношко, а таки поворчу*. Якоже тѣло альчуще желаетъ ясти и жаждуще желаетъ пити, тако и душа, отче мой Епифаний, брашна духовнаго желаетъ; не гладъ хлѣба, ни жажда воды погубляетъ человекъ, но гладъ велий человекъ — Бога не моля, жити».⁶³ О том, каково было его домашнее «правило», мы знаем из послания Аввакума некоему Борису и «прочим рабам Бога вышняго»: «Хощеши ли слушати, как у меня бывало? Внимай-жо, — я тебѣ стану вкаты. <...> Егда вечерню с павечернею отпою, послѣ ужины правило начну: павечерницу и 4 канона, Иисусу и акафист с кондаки и икосы, „Воду прошед“, и Ангелу, и тропари канонов, и молитвы; таже „Достойно“, Трисвятое и „Нескверную“, и еще Трисвятое и „Даждь нам“, и рядом „Боже вѣчный“, и всѣ молитвы спальныя, и отпуст, и „Ослаби, остави“ вмѣсто прощения, и „Ненавидящих“; таже 50 поклонов за живыя и за мертвыя <...>. Довершим правило, прощение проговорю, да и спать взвалюсь, — один я спал. Когда объдню пою, тогда опасно сплю: сам добуду огня да книгу чту. <...> А объдню, прости, плачучи служу, всякую рѣчь в молитвах разумно говорил, а иную молитву и дважды проговорю, не спѣшил из церкви бѣжать, — послѣ всѣх волокусь».⁶⁴

Отдельно следует отметить особый род устного жанра, пришедший в проповеди Аввакума отнюдь не из области просторечия, а благодаря невольной (или умышленной?) его ориентации на *звучащий* во время церковной службы текст, являющийся частью литургического чина. Будучи священнослужителем, постоянно погруженным в храмовое действо, он оформляет отдельные фрагменты своего текста как звучащую часть богослужения. Так поступает он, например, с толкуемым текстом из послания апостола Павла к Галатам, как мы видели выше: «*Премудрость*. К галатам послание святаго апостола Павла. *Вонмем*. Зачало 210. Братие, Авраам два сына имѣ: единаго от рабы, а другаго от свободныя...»⁶⁵ — таким способом в его проповедь за счет литургических возгласов *Премудрость* и *Вонмем*, оформляющих во время службы чтения из Апостола, вводится не просто новозаветный фрагмент, но звучащий богослужебный текст. В другой «Беседе» Аввакум, перечисляя всех к тому времени погибших от никонианских пре-

⁶³ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / Подгот. текста, коммент. Н. С. Демковой // БЛДР. СПб., 2013. Т. 17: XVII век. С. 89 (текст Второй редакции Жития).

⁶⁴ РИБ. Стб. 854—855.

⁶⁵ Там же. Стб. 329.

следований, пишет: «Мы же, оставшии, еще дышущие, о всѣх сих поминание творим жертвою, со слезами <...> воспѣваем, радуящися, Христа славяще: Упокой, Господи, душа раб своих, всѣх пострадавших от никониян на всяком мѣсте, и учини их идѣже присещает свѣт лица твоего, в селѣх со святыми избранными твоими, яко благ и человекѡлюбец. Рабом Божиим побивенным вѣчная память. *З-жды*».⁶⁶ Здесь указание «*З-жды*», употребляемое в богослужебных текстах как специфическое примечание, преобразует нарративный текст Аввакума в звучащее литургическое слово (в разночтениях к этому месту другие списки дают текст полностью: «Рабом Божиим побивенным *вѣчная память, вѣчная память, вѣчная память*»⁶⁷); таким образом Аввакум не просто сообщает о том, как он поминает убиенных, — здесь он именно поминает их звучащей литургической формулой, как это принято за службой. В начале десятой «Беседы» он не отдельно приводит евангельский текст, толкованию которого посвящает проповедь, но представляет этот текст в обрамлении возгласов священнослужителей и клирошан, как они звучат в храме при чтении Евангелия, то есть снова оперирует звучащим словом: «Бесѣда о наятых дѣлателех. *Благослови, владыко, благовѣстити благовѣстие святого славнаго и всехвальнаго вселенскаго благовѣстника апостола и евангелиста Матфея. Бог за молитв святого славнаго и всехвальнаго вселенскаго благовѣстника апостола и евангелиста Матфея даст ти глагол воеже благовѣстити силу многу. Премудрость. Прости. Услышим святого Евангелия. От Матфея святого Евангелия чтение. Слава тебѣ, Господи. Вонмем.* Зачало 80. Рече Господь притчю сию: подобно есть Царствие Небесное человекѡу домовиту...».⁶⁸ Как видим, проповеди Аввакума рассчитаны помимо всего прочего и на восприятие изузнного в своей основе литургического действия и временами как бы являются самим этим действием (ср. троекратное воспевание *Вечной памяти* в первой «Беседе»).

Ориентация на литургическое слово в проповедях Аввакума проявляется не только в отсылках к тексту Священного Писания, но и в использовании гимнографических произведений, составляющих основу всякого богослужения. Вот он восклицает в пафосе отчаяния, называя первых жертв церковного раскола, среди которых числит и себя: «*Видите, видите, яко аз есмь, наг Аввакум протопоп, в землю посажен. Жена моя, протопопица Настасья, в земли з дѣтми же сидит...*».⁶⁹ И опытный слушатель узнает в первых словах этой инвективы начальные слова ирмосов 2-й песни канонов (всех 8-ми гласов), представленных в Ирмологионе; см., например, ирмос 2-й песни 6-го гласа: «*Видите, видите, яко аз есмь* Бог, манну одождивый и воду из камне источникый древле в пустыни людем моим, десницею единою и крепостию моею».⁷⁰ Или же несколько позже в той же проповеди, обращаясь к своей аудитории и вдохновляя ее на мужественное претерпевание страданий, он вплетает в свой монолог полное цитирование кондака из Великого покаянного канона Андрея Критского: «Видите, страдающая за слово и за свидѣтельство старопечатных книг! А то ожидает и нас. Господь избивен-

⁶⁶ Там же. Стб. 249—250.

⁶⁷ Там же. Стб. 250, примеч. 30.

⁶⁸ Там же. Стб. 375—376.

⁶⁹ Там же. Стб. 248.

⁷⁰ Ирмологий. М., 1673. Л. 100.

ных утѣшает ризами бѣлыми, а нам дает время ко исправлению. Потщимся Господа ради, потщимся и не лѣнностью подвигнемся, но потцем нынѣ, яко время есть. *Душе моя, душе моя, востани, что спиши! Конец приближается, и хочещи молвити. Воспряни убо, да пощадит тя Христос Бог, иже вездѣ сый и вся исполняй*».⁷¹ От слов «Душе моя» до слов «иже везде сый и вся исполняй» Аввакумом приведен здесь полный текст кондака, читаемого по 6-й песни Великого покаянного канона Андрея Критского в четверг на пятой седмице Великого поста. А дальше, представляя своим единомышленникам будущую смерть как схождение в недра земли — «А нынѣ Божиим изволением отходим в матерь свою, в земля и мѣсто. Сходящий всяк абие отыдет прияти муки или почести поживших»,⁷² — Аввакум прибегает к тексту третьего антифона 8-го гласа, периодически звучащего за богослужением в течение годового календарного круга: «К матери своей земли отходяй всяк абие разрешается прияти муки или почести поживших».⁷³

«Слыши, небо, и внуши, земле! Вы будете свидѣтели нашей крови изливающейся!»,⁷⁴ — восклицает патетически Аввакум в «Беседе об иноческом чине», опираясь на патетические строки тропаря 6-го часа из Службы Царских часов в навечерие Рождества Христова: «Слыши, небо, и внуши, земле, да подвижатся основания, да примут трепет преисподняя, яко Бог же и Творец в плотское одеяся здание, и иже державною рукою создавый тварь утробы зрится здание. О, глубина богатства, и премудрости, и разума Божия. Яко не испытаны судьбы его и не изследованни путие его».⁷⁵ Строки канонов и прокимнов наполняют его память: «Держите и вѣруйте так, как напечатано в книзе Псаломствъ при царе Михаиле. Троичен 6 гласу, стих 7 пѣсни: *Крѣпку ми мысль устрой трисвѣтлая образы единице. И 3-й стих тоя же пѣсни: Образы же троичное нося число, соблюдая всѣх нас от различных искушений*. Видите, святой Митрофан, творец канона, тако пишет»;⁷⁶ «Иосиф, творец каноном, пишет, святой, сиче: *Не разверзе двери дѣвства в воплощении, гробу не разверже печати, Христос изыде. Сий стих писан на Пасху. И паки той же Иосиф пишет в канонѣ акафисту Богородицѣ, 8 песнь, стих: *Ложесны Слово прияла еси, и еже вся носящаго понесла еси, и млеком питала еси**»;⁷⁷ «Чти стих Богородичен 2 гласа на Малой вечерни, Дамаскин поет сиче: *Еммануил убо дверь естества отверзе, и паки запечатлѣнну остави*».⁷⁸ Когда Аввакум отсылает слушателя к тому или иному фрагменту Псалтыри, можно быть уверенным, что тут срабатывают оба механизма его памяти: знание наизусть «четьего» текста Псалтыри и память, что называется, «на слуху» множества звучащих фрагментов богослужения, в которых рецитируется та же самая Псалтырь, — от отдельных псалмов, входящих в службы дневного круга, до прокимнов, предваряющих чтение Апостола за литургией, как, например, в таком отрывке «Беседы» «об образе

⁷¹ РИБ. Стб. 251—252. Ср.: Трїодь постная. М., 1650. Л. 450 об.

⁷² РИБ. Стб. 255—256.

⁷³ См.: Октоих, третий антифон 8-го гласа.

⁷⁴ РИБ. Стб. 278.

⁷⁵ Минея общая. М., 1650. Л. 403.

⁷⁶ РИБ. Стб. 339—340.

⁷⁷ Там же. Стб. 344.

⁷⁸ Там же. Стб. 345.

креста Христова»: «И Псалмопѣвец учит: *Вознесите Господа Бога нашего и поклоняйтесь подножию ногу его, яко свято есть*»,⁷⁹ который, будучи 5-м стихом 98-го псалма, периодически звучит за службами при чтении кафизм, составляя, кроме этого, пятничный прокимен 7-го гласа и стихеру на стиховне в день Воздвижения Честнаго и Животворящего Креста.⁸⁰

Посмотрим, как вписывается стилистическая стихия литургической гимнографии в текст проповедей Аввакума. Для примера возьмем первую «Беседу» из «Книги Бесед», «о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания». Думая о молитвенном поминовении первых убиенных старообрядцев, Аввакум говорит о собственной судьбе и судьбе своих единомышленников, к которым он обращается, в стилистически нейтральном духе старорусского книжного языка: «Мы же еще в морѣ плаваем пучиною и не видим своего пристанища. Не вѣмы бо, доколѣ живот наш протянется, умилосердит ли ся Владыка и даст ли нам та же чаша пить, еяже сам пил и нас, рабов своих, напоил». Далее он вводит в проповедь текст Священного Писания: «Разумѣю по Писанию, якоже Богослову показано, Апокалиписи: „И егда отверзе агнец пятую печать, видѣх под алтарем душа избиенных за слово Божие <...>. И даны быша комуждо их ризы бѣлы и речено бысть им: да почуют еще время мало, дондеже скончуются и клевети их, и братия их, хотящая избиены быти, якоже и тии [Апок. 6: 9—11]“». ⁸¹ Комментируя после этого слова Апокалиписи, проповедник опять же пишет стилистически нейтрально: «Видите, страдающие за слово и за свидѣтельство старопечатных книг! А то ожидает и нас. Господь избиенных утѣшает ризами бѣлыми, а нам дает время ко исправлению». Но обсуждаемая ситуация обращает автора к покаянной теме, и именно здесь Аввакум включает в свой текст кондак из Великого покаянного канона Андрея Критского «Душе моя, душе моя, востани, что спиши!» (см. выше). При этом содержательно и стилистически тема покаянного канона органично включается в собственный текст Аввакума, звучащий как подлинно гимнографическое произведение: «Душе моя, душе моя, востани, что спиши! Конец приближается, и хочещи молвити. Воспряни убо, да пощадит тя Христос Бог, иже вездѣ сый и вся исполняй. *Душе, иже здѣ — временно, а иже тамо — вѣчно. Потщися, окаянная, и убудися: уснула сном погибельным, задремала еси в пищах и пиши нерадѣнья*». ⁸² Продолжая далее покаянную тему в форме обращения к собственной душе, Аввакум сравнивает свое положение с участью своих духовных дочерей, — боярыни Морозовой, княгини Евдокии Урусовой и «дворянской жены» Марии Даниловой, мучившихся в тот момент в боровской земляной тюрьме, подчеркивая, с какой высоты земной славы и богатства они сошли ради истинной веры, в особенности боярыня Морозова, которая «нынѣ вмѣсто позлащенных одров в землѣ закопана сидит за старое православие». ⁸³ И тут в покаянном фрагменте проповеди Аввакума происходит контрастный переход от церковно-гимнографического стиля с ритмической

⁷⁹ Там же. Стб. 265.

⁸⁰ См.: Миняя общая. М., 1650. Л. 32 об.

⁸¹ РИБ. Стб. 250—251.

⁸² Там же. Стб. 251—252.

⁸³ Там же. Стб. 252.

организацией текста к сугубо прозаическому просторечному стилю: «А ты, душе, много ли имѣешь при них? Развѣ мешок, да горшок, а третье лапти на ногах. Безумная, нут-ко опрянися, исповѣждь Христа, Сына Божия, явственнѣ, полно укрыватися того. Добро рече нѣкто от святых отец, яко всѣм нам един путь предлежит. Иного времени долго такова ждать: само Царство Небесное валится в рот. А ты откладываешь, говоря: дѣти малы, жена молода, разориться не хочется. А тово не видишь, какую честь-ту бросили боляро-ни те».⁸⁴

Или другой пример сочетания различных стилистических стихий в проповеди Аввакума. В «Беседе» девятой с толкованием на зачало из Апостола проповедник, приведя слова апостольского Послания — «Не точию же, но и хвалимся в скорбѣх, вѣдуще, яко скорбь терпѣние содѣловает, терпѣние же искусство, искусство же упование, упование же не посрамит: яко любви Божия излися в сердца наша Духом Святым, данным нам [Рим. 5: 3—5]», — переходит к их развитию применительно к современной ситуации: «Паки реку: ей, хвалимся и радуемся в скорбѣх своих, мучими от вас, никониян, в темницах, и во оковах, и в смертях многажды от вашева жалованья. Двадесять два лета плаваю и так, и сяк, иногда наг, иногда гладен, иногда убит, иногда на дождѣ, иногда на мразѣ, иногда на чепи, иногда в желѣзах, иногда в темницѣ, кромѣ повседневных нападеній и разлучения жены и дѣтей. Кто изнемогает, и не изнемогаю? Кто соблажняется, и аз не разжизаюся? [2 Кор. 11: 29] Но терплю, бѣдной, о Христѣ Исусѣ упованием будущих благ».⁸⁵ Обратим внимание на то, как речь Аввакума, будучи обрамлена двумя цитатами из апостольских посланий, незаметно стилистически сливается с речью апостола Павла, усваивая ее ритмику и возвышенный пафос:

иногда наг, / иногда гладен, /
иногда убит, /
иногда на дожде, / иногда на мразе, /
иногда на чепи /
иногда в железах, / иногда в темнице...

Кто изнемогает, / и не изнемогаю?
Кто соблажняется, / и аз не разжизаюся?
Но терплю, бѣдной, о Христѣ Исусѣ / упованием будущих благ.

Вслед за этим фрагментом Аввакум сразу же переходит на просторечие: «А ты, никониянин, чѣм похвалишься, скажи-тко! Антихристом своим нагим развѣ, да огнем, да топором, да висѣлицею? Богаты вы тѣм, — знаю я!»⁸⁶

А. М. Панченко, открывший для науки тему «протопоп Аввакум — поэт», разглядел в свое время в Житии Аввакума три стихотворных фрагмента и на их материале пришел к предварительному выводу, что «Аввакум-поэт ориентировался прежде всего на народный стих».⁸⁷ По поводу

⁸⁴ Там же. Стб. 252—253.

⁸⁵ Там же. Стб. 365—366.

⁸⁶ Там же. Стб. 366.

⁸⁷ См.: Панченко А. М. Протопоп Аввакум как поэт // ИЮЛЯ. М., 1979. Т. 38. Вып. 4. С. 300—308.

предварительности своих выводов исследователь нашел нужным оговориться в заключительных строках своей статьи: «Настоящая статья — не столько исследование, сколько его программа, предварительный очерк, „постановка проблемы“. По-видимому, тремя фрагментами стихов наследие Аввакума не исчерпывается. Поиски в этом направлении могут быть плодотворными».⁸⁸ Сегодня мы убеждаемся в правоте и прозорливости этого высказывания. Среди проповеднических сочинений протопопа Аввакума, сосредоточенных в «Книге Бесед» и «Книге толкований», обнаруживаются поэтические фрагменты, сложившиеся под влиянием литургической гимнографии. Помимо указанных выше фрагментов, особенно убедительна в этом плане молитва Аввакума о царе Алексее Михайловиче, помещенная им в конце первого Поучения «Книги толкований». Уподобляя царя Алексея Михайловича нечестивому библейскому царю Манасии, Аввакум произносит под конец этой проповеди много резких обвинений по адресу царя, завершая их с горечью, но при этом с оттенком юмора и даже какого-то добродушия: «Накудесил много, горюн, в жизни сей, яко козел, скача по холмам, вѣтр гоня, облетая по аеру, яко пернат, ища станы святых, како бы их поглотить и во ад с собою свести. *Но спаси его, Господи, имиже вѣси судьбами своими...*».⁸⁹ И далее (вслед за преамбулой) идет дышащая «почвой и судьбой», аввакумова молитва за царя, в которой проявляется вся мощь христианского упования этого человека: «*Но спаси его, Господи, имиже вѣси судьбами своими.<...>* Аще ли не належит покаяния ему, — Ты вѣси! Буди воля Твоя, а не моя! Аз есмь червь, а не человек. Дерзаю паче человека, выше мѣры моя, угнѣтаем болѣзнию по души заблудшей его, желая и ища от тебя, Всемилостива Спаса, исправления его. Нѣсть дивно, еже праведника спасти, но преславно, иже грѣшника помиловати и в разум истинный привести.

Ты еси Бог наш, / иже водою и Духом обновивый обетшавшее грѣхом естество наше.

Ты еси Бог наш, / иже водою потопивый при Нои грѣх.

Ты еси Бог наш, / иже морем свободивый от работы Фараоня Моисеом род еврейский.

Ты еси Бог наш, / разразивый камень в пустыни, и потекоша воды, и потоцы наводнишася, и жаждущия люди своя насытивый.

Ты еси Бог наш /, иже водою и огнем при Илии премѣнивый Израиля от прелести Вааловы.

Сам и нынѣ, Владыко, / премени от прелести царя Алексѣя бѣднаго от новаго Ваала, злодѣя Никона со дьяволом.

И даждь ему очищение, и освящение, и душевное прозрѣние.

Просвѣти свѣтом разума к познанию твоея истинны.

Вдохни благая в сердце его,

Да познает тя, Сына Божия, и прибѣгнет под кров покаяния.

Устави смущение души его, яко воды морския, колеблющияся вѣтры зѣльными.

Прими жертву его слезную паче, нежели Авелеву.

Приклони ухо твое к молению нашему.

⁸⁸ Там же. С. 308.

⁸⁹ РИБ. Стб. 472.

И возглаголи благая в сердца наша, отец наших и братий, о нем к тебе, Богу и Спасу всѣх.

Яко милостив еси и щедр, Боже наш, и тебѣ славу воссылаем, в Троицѣ славимому Богу, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣком. Аминь».⁹⁰

В настоящей молитве мною выделен курсивом текст, восходящий к заключительному фрагменту молитвы «Велий еси, Господи, и чудна дела твоя» из Чина великого освящения воды на праздник Богоявления.⁹¹ Этот текст нельзя характеризовать как заимствование, он органично усвоен Аввакумом, ориентированным на огромное число молитвословных произведений и создававшим собственный текст по их законам.

Молитвы создают не простые литераторы, молитвы создают подвижники веры, наделенные даром слова, сила которого кроется в обнаженной искренности и глубине чувств, рождаемых «почвой и судьбой».

Список литературы

Будылина М. М. Диалог как основной структурообразующий принцип в Житии протопопа Аввакума // Сибирский филологический журнал. 2008. № 2. С. 16—21.

Демкова Н. С., Сесеикина И. В. Старейший (печорский) список «Книги толкований и нравоучений» Аввакума, найденный В. И. Мальшевым // Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1990. С. 73—146.

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / Подгот. текста и коммент. Н. С. Демковой // БЛДР. СПб., 1913. Т. 17: XVII век. С. 64—107.

Житие протопопа Аввакума. (Последняя авторская редакция) / Подгот. текста, вступ. статья, пер., коммент. Н. В. Поньрко. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. Кн. 1. 218 с.

Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. München: Fink, 1970. 528 с. (репринтное воспроизведение: М., 1995).

Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. М., 1874. Т. 1. 492, VI с.

⁹⁰ Там же. Стб. 472—473.

⁹¹ См. Требник: «Велии еси, Господи, и чудна дела твоя, и ни едино же слово довольно есть к похвалению чудес твоих. Твоею бо волею от небытия в бытие привел еси всяческая; твою державою содержиши всю тварь <...>. Ты от четырех состав составил еси тварь. И четырема времени круг лету венчал еси <...>. Ты иорданския воды освятил еси <...>. Ты убо, Человеколюбче Царю, прииди и ныне пришествием Святаго твоего Духа и освяти воду сию <...>. Яко да вси почерпающеи и причащающеися от нея имеют ю ко очищению душам и телом, ко исцелению страстем, ко освящению домовом, и ко всякой пользе благоудобну. Ты бо еси Бог наш, иже водою и Духом обновивый обещавшее грехом естество наше. Ты еси Бог наш, иже водою потопивый при Нои грех. Ты еси Бог наш, иже морем свободивый от работы Фараона Моисеом род еврейский. Ты еси Бог наш, разразивый камень в пустыни, и потокоша воды, и потоцы наводнишася, и жаждущия люди своя насытивый. Ты еси Бог наш, иже водою и огнем при Илии пременивый Израиля от прелести Вааловы. Сам и ныне, Владыко, освяти воду сию Духом твоим Святым. И даждь всем, прикасающимся ей, и причащающимся, и мажущимся ею, освящение и благословение, и очищение и здравие.

Спаси, Господи, благороднаго и благовернаго и христолюбиваго государя царя нашего и великаго князя, имярек, всея Руси самодержца. Спаси, Господи, и помилуй святейшаго великаго господина патриарха нашего, имярек, Московскаго и всея Руси; сохрани их под кровом твоим в мире. Покори ему всякаго врага и борителя; даруй ему вся, яже ко спасению, прошения и жизнь вечную. Яко да и всеми состави, аггельскими и человеческими, видимыми и невидимыми, славится твое пресвятое имя со Отцем и Святым Духом, ныне и присно и во веки веком. Аминь» (См.: Требник Большой. М., 1651. Л. 213—219).

- Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Кн. 1. Вып. 1. 960 с. (РИБ. Т. 39).
Панченко А. М. О смене писательского типа в Петровскую эпоху // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. С. 112—118.
Панченко А. М. Протопоп Аввакум как поэт // ИОЛЯ. 1979. Т. 38. Вып. 4. С. 300—308.
Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало раскола / Пер. с фр. С. С. Толстого; науч. ред. перевода Е. М. Юхименко. М.: Знак, 2011. 680 с.
Понырко Н. В. Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII века — ревнители благочестия // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 58—69.
Сесеикина И. В. «Книга бесед» Аввакума — памятник полемической литературы второй половины XVII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1991. 16 с.
 Слова и поучения Кирилла Туровского. Слово на вербное воскресенье / Подгот. текста, пер., коммент. Н. В. Понырко // БЛДР. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 184—189.
 Слова и поучения Кирилла Туровского. Слово о расслабленном / Подгот. текста, пер., коммент. Н. В. Понырко // БЛДР. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 190—198.
 Сочинения протопопа Аввакума. Из «Книги бесед» / Подгот. текста, коммент. И. В. Сесеикиной, И. А. Лобаковой // БЛДР. СПб., 2013. Т. 17: XVII век. С. 130—146.
 Сочинения протопопа Аввакума. Из «Книги толкований и нравочений» / Подгот. текста, коммент. Н. С. Демковой // БЛДР. СПб., 2013. Т. 17: XVII век. С. 147—159.
Pascal P. Avvakum et les débuts du raskol: La crise religieuse au XVII-e siècle en Russie. 1-e éd. Paris, 1938; 2 éd. Paris, 1963. 618 p.

References

- Budylnina M. M.* Dialog kak osnovnoj strukturoobrazujushchij princip v Zhitii protopopa Avvakuma // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2008. № 2. S. 16—21.
Demkova N. S., Sesejkina I. V. Starejšij (pechorskij) spisok «Knigi tolkovanij i nra-
 vouchenij» Avvakuma, najdenij V. I. Malyshevym // Drevlehranilishche Pushkinskogo
 Doma: Materialy i issledovanija. L.: Nauka, 1990. S. 73—146.
 Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe / Podgot. teksta, komment. N. S. Dem-
 kovoij // BLDR. SPb., 1913. T. 17: XVII vek. S. 64—107.
 Zhitie protopopa Avvakuma. (Poslednjaja avtorskaja redakcija) / Podgot. teksta, vstup.
 statija, per., komment. N. V. Ponyrko. SPb.: Pushkinskij Dom, 2016. Kn. 1. 218 s.
Zen'kovskij S. A. Russkoe staroobrjadchestvo. Duhovnye dvizhenija semnadcatogo veka.
 München: Fink, cop. 1970. 528 s. (Reprintnoe vosproizvedenie: M., 1995).
 Materialy dlja istorii raskola za pervoe vremja ego sushchestvovanija / Pod red. N. I. Sub-
 botina. M., 1874. T. 1. 000 s.
 Pamjatniki istorii staroobrjadchestva XVII v. L., 1927. Kn. 1. Vyp. 1. 960 s. (RIB. T. 39).
Panchenko A. M. O smene pisatel'skogo tipa v Petrovskuju epohu // XVIII vek. Sb. 9:
 Problemy literaturnogo razvitiya v Rossii pervoj treti XVIII veka. L., 1974. S. 112—118.
Panchenko A. M. Protopop Avvakum kak poet // IOLJa. 1979. T. 38. Vyp. 4. S. 300—308.
Paskal' P. Protopop Avvakum i nachalo raskola / Per. s fr. S. S. Tolstogo; nauch. red. perev-
 oda E. M. Juhimenko. Moskva: Znak, 2011. 680 s.
Ponyrko N. V. Obnovlenie Makarieva Zheltovodskogo monastyrja i novye ljudi XVII ve-
 ka — revniteli blagochestija // TODRL. L., 1990. T. 43. S. 58—69.
Sesejkina I. V. «Kniga besed» Avvakuma — pamjatnik polemicheskoj literatury vtoroj
 poloviny XVII veka: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 1991. 16 s.
 Slova i pouchenija Kirilla Turovskogo. Slovo na verbnoe voskresen'e / Podgot. teksta,
 per., komment. N. V. Ponyrko // BLDR. SPb., 1997. T. 4: XII vek. S. 184—189.
 Slova i pouchenija Kirilla Turovskogo. Slovo o rasslablennom / Podgot. teksta, per., kom-
 ment. N. V. Ponyrko // BLDR. SPb., 1997. T. 4: XII vek. S. 190—198.
 Sochinenija protopopa Avvakuma. Iz «Knigi besed» / Podgot. teksta, komment. I. V. Se-
 sejkinoj, I. A. Lobakovoij // BLDR. SPb., 2013. T. 17: XVII vek. S. 130—146.
 Sochinenija protopopa Avvakuma. Iz «Knigi tolkovanij i nra-
 vouchenij» / Podgot. teksta, komment. N. S. Demkovoij // BLDR. SPb., 2013. T. 17: XVII vek. S. 147—159.